

36-2

90

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

ЖАКЕРИЯ

СЦЕНЫ
ИЗ ФЕОДАЛЬНЫХ ВРЕМЕН

ПЕРЕВОД, СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Н. А. СЛАВЯТИНСКОГО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1986

Пьер, латник барона д'Апремона
Оборотень, атаман воровской шайки

Рено
Симон
Мансель
Моран
Бартельми
Тома
Гайон

крестьяне Бовуази

Конрад, сын барона д'Апремона, десяти лет
Мэтр Боннэн, его гувернер
Изабелла, дочь барона д'Апремона
Марион, ее молочная сестра
Жаннета, крестьянка, сестра Рено
Разные люди

Действие происходит главным образом в окрестностях Бовэ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Глубокий овраг в лесу. Заходящее солнце еле освещает вершины деревьев.

Разбойники в звериных шкурах появляются со всех сторон, спускаются в овраг и садятся в кружок. Оборотень, с волчьей шкурой на плечах и луком в руке, стоит в середине. Оборотень, его помощник, испытываемый, разбойники и пр.

Оборотень. Все волки в сборе?

Помощник (*вставая*). Все, только Бордые на страже, да Вильфрид Рыжий в разведке.

Оборотень. Волки, товарищи мои! Этьен Дюре — вот этот самый

Один из разбойников поднимается.

просится в волки. За те полгода, что он с нами, он вел себя молодцом. У него есть и когти и зубы. Он предан, он лижет руку тому, кто дает ему хлеба; он кусает того, кто швыряет в него камнями. Примете ли вы его в товарищи?

Разбойники. Да. Пусть будет, как и мы, волком.

Оборотень. Приготовьтесь же принять его. Перекреститесь и выньте ваши тесаки. Ты, Годфруа Косой, будешь ему крестным. Войдите оба в круг. (*Испытуемому.*) Кто ты такой?

Испытуемый. Я — ни волк, ни овца, но хотел бы стать волком.

Оборотень. Знаешь ли ты обязанности волка?

Вильфрид (обращаясь к помощнику). Скверное дело!

Помощник. Ничего не поделаешь! Сегодня один, завтра другой. Идем ужинать.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Готическая зала в аббатстве Сен-Лёфруа; она освещена множеством факелов и великолепно убрана.

Капитул монахов, собравшийся для избрания аббата. На авансцене: брат Игнатий, брат Годеран, брат Сульпиций.

Брат Игнатий (с письмом в руке). Он выражается ясно. «Выберите в аббаты моего двоюродного брата», — говорит он нам. Письмо очень настойчивое, оно запечатано его гербовой печатью, и вот его крест вместо подписи⁷. Что делать?

Брат Годеран. То же, что делает тростник при ветре; мы только слабый тростник, а Жильбер д'Апремон неистовее аквилона.

Брат Игнатий. Знаю, Годеран, вы против крайних мер; но все же и вам следует помнить, что мы поклялись покойному аббату Бонифасу, у его смертного одра, избрать брата Жана, его любимца, и разве мы затем не подтвердили эту клятву самому брату Жану?

Брат Сульпиций. Право, вот уж ни к чему эта щепетильность! Что до меня, то, давая клятву покойному аббату, я тут же потихоньку отчурался от нее. Притом брат Жан — простой мужик, а нам не мужика надо в аббаты.

Брат Игнатий. Полегче; он очень полезен нашей общине.

Брат Годеран. А Жильбер д'Апремон еще полезнее. Он — наш сторожевой пес, наше копьё. Поло-

житесь на меня, будемте благоразумны, и выберем в аббаты, как он того желает, Онорэ, его двоюродного брата.

Брат Сульпиций. И разве мы не обойдемся без брата Жана? Так ли уж он полезен аббатству?

Брат Игнатий. Чрезвычайно! Для нас его познания — сущий клад.

Брат Сульпиций. В добрый час; но он хочет всем заправлять, хочет заставить все вертеться по-своему. Покойный аббат Бонифаций — да упокоит

Я знаю историю о короле Ликурге так же хорошо, как и о короле Артуре.

Боннэн. А помните ли вы устав основанного им рыцарского ордена?

Конрад. Ордена Святой Спарты? Конечно.

Боннэн. Что за память в таком нежном возрасте! Поистине, сударь, вы знаете больше моего, и скоро мне придется брать у вас уроки. Хотелось бы вам быть рыцарем ордена Святой Спарты?

Конрад. О, да! В этом ордене мне нравится то, что когда пажы стащат, бывало, где-нибудь пирог или варенье, то у них это не отнимают и не бранят их; а потом, как они потешались над рабами! Как они их тогда называли?

Боннэн. Илотами, сударь.

Конрад. Ах да, илотами. Когда я вырасту и стану пажем, я буду, как и они, охотиться на мужиков.

Боннэн. Просто чудеса! Он ничего не забывает. Хотелось бы мне, чтобы его милость барон, насмехающийся над образованием, которое я вам даю, был здесь и послушал вас. Запомнить все, даже самые варварские имена! Ах, сударь, каким вы будете рыцарем!

Конрад. Это потому, что я ничего не боюсь. Когда мне приходится играть в войну с моими крепостными, я справляюсь один с пятью-шестью мальчуганами. Под градом палочных ударов они бегут от меня, как зайцы.

Боннэн. Послушайте меня, сударь. Не будьте так отважны. Господин сенешаль запретил этим негодным мальчишкам отбиваться от вас; но у этого народа такие дурные склонности, что когда-нибудь у них может явиться дерзость оказать вам сопротивление. Будьте с этим осторожнее.

Конрад. Как бы не так! Я не побоюсь и десяти тысяч мужиков. Я боюсь лишь пауков и лягушек,

Боннэн. Об одном молю бога, чтобы дожить до времени, когда я смогу описать геройские дела, которые вы совершите. Вы затмите подвиги Амадиса Гальского.

Входят Изабелла и Марион.

Конрад. А, вот и моя сестра. Здравствуй, сестрица Изабо! Что ты ешь? Дай мне.

Изабелла. Я ничего не ем.

Конрад. А мне показалось... Разве у тебя нет

Сенешаль. Ко мне, сир шевалье! Помогите нам наказать этих наглецов! Смелей! Они от нас не уйдут!

Крестьяне обращаются в бегство.

Изабелла. Боже мой! из-за чего такая сумятица? Ради бога, остановитесь! Сенешаль, не надо преследовать этих бедняг...

Де Монтрейль. Из-за чего вышел шум?

Сенешаль. Я велел проучить одного из этих мужиков, а товарищи хотели отбить его у нас. Они стали бросать в меня камнями, и вот, посмотрите, две стрелы упали подле меня. Уж я дознаюсь, кто их пустил.

Изабелла (указывая на Гайона). Бить этого бедного мальчика. У него такой кроткий вид. Господин сенешаль, простите его, пожалуйста, сделайте это для меня.

Сенешаль. После этого с ними сладу не будет. (Гайону.) Удирай, бездельник!

Бьет его плашмя шпагой, Гайон убегает.

Де Монтрейль. Прекрасная кузина, вы слишком добры к своим рабам. Эта порода людей — собаки, готовые разорвать вас, выпусти вы только хлыст из рук.

Изабелла. Фи, как вы можете называть христиан собаками?

Пьер (вполголоса). Да здравствует наша добрая госпожа!

Изабелла (де Монтрейлю). Видите, отец Жан поговорил с ними, и они молча расходятся. Они опять стали кротки, как агнцы.

Де Монтрейль. Ах, мало вы знаете это отродье! Они, подлецы, побежали, увидев, что я подхожу с моими сержанами.

Сенешаль. Мы поощряем их нашей снисходительностью.

Входит женщина и становится на колени перед Изабеллой.

Женщина. Добрая барышня, сжальтесь над несчастной вдовой, которой нечем кормить четырех детей.

Сенешаль. Прочь отсюда, пошла вон, старуха!

Изабелла. Сенешаль, не гоните бедняжку! Она обращается ко мне. Что тебе, матушка?

ним на колени; но и ему придется сделать то же, и если вы проедите при этом сквозь зубы два или три слова, то тем все и кончится, ваша честь будет спасена, так как вы сможете сказать, что вы стали на колени совсем не ради него.

Брат Жан. Хороша выдумка!

Брат Игнатий. Тюрьма, покаянный пост, цепи, бичеванье плоти, с одной стороны, с другой — эта уловка, возбуждающая в вас презрение. Выбирайте; я оставлю вас и скоро вернусь, чтоб узнать ваше решение. Прощайте.

Брат Жан. У меня ад в душе, — я не знаю, на что решиться; но все же я благодарен вам, Игнатий.

Брат Игнатий уходит.

Брат Жан (один). Я отомщу или умру. Я больше не в силах сносить оскорблений этого сумасброда.

Стук в дверь.

Кто там еще лезет ко мне?

Послушник (входя). Отец, несколько крестьян из Апремона хотят поговорить с вами.

Брат Жан. Ну, чего им от меня надо? Неужели меня поминутно надо тревожить из-за бездельников, которые все лезут исповедываться?

Послушник. Они говорят, что пришли по важному делу.

Брат Жан. Пусть войдут. Какая скука! Дело идет, должно быть, о том, чтобы уладить какую-нибудь тяжбу; но ничего не поделаешь, с крестьянами приходится считаться.

Входят Симон, Моран, Бартельми, Гайон, Тома. Послушник уходит.

Симон. Простите за смелость, преподобный отец; но мы пришли поделиться с вами великой тайной. Не правда ль, братцы, ведь это большая тайна?

Все. Да, большая тайна.

Брат Жан. Говорите скорее, у меня времени нет.

Симон. Эта тайна... Да вот Моран вам все расскажет.

Моран. Нет, говори ты... ты начал.

Симон. Нет, ты скажешь лучше моего.

Брат Жан. Ну, скоро ли вы кончите? Говори ты, Моран, — чего вам от меня надо?

Моран. Отец, вот этот человек — из Женэ, его зовут Тома, у него сестра замужем за моим двоюродным братом, тележником из Женэ.

Брат Жан. Ну?

виде золоченых шпор. Идите лучше к нам в леса, там вы найдете храбрецов.

Брат Жан. Ты ведь знаешь: трус, доведенный до отчаяния, становится героем. Запри кошку в комнате и бей ее плетью; три удара она еще снесет, а на четвертом вцепится тебе в глаза.

Оборотень. Хорошо. Но кто они, эти молодцы?

Брат Жан. Моран, Симон, Гайон...

Оборотень. Да, это — коты, которых надо стегать плетью, чтобы заставить драться, и сильно стегать.

Брат Жан. Бартельми...

Оборотень. У этого хватит мужества.

Брат Жан. Тома из Женэ и множество других. Я готов поручиться за всех мужиков на два лье в округности. Я рассчитываю и на Пьера, конюшего Изабеллы д'Апремон.

Оборотень. Бездельник, который гордится тем, что знает грамоте, и тем, что Жильбер подарил ему новую ливрею с гербами! Не ждите ничего путного от раба.

Брат Жан. Поверь мне, он славный малый; он может быть нам полезен: в его руках все ключи замка.

Оборотень. Вы ничего не сказали о Рено.

Брат Жан. Рено пока не хочет присоединиться к нам. Со дня смерти сестры он ни во что не вмешивается. Он целыми днями, закрыв руками лицо, о чем-то думает. Боюсь, не сошел бы с ума.

Оборотень. Надо бы залучить его.

Брат Жан. Чуть только свистнет первая стрела, он будет с нами. Много ль у тебя народу?

Оборотень. Семьдесят два человека, только всего; но каждый стоит десятка ваших. Это сущие дьяволы.

Брат Жан. Я полагаюсь на твой выбор. Значит, Франк, друг мой, ты теперь наш; но для большей верности присягни на этом распятии.

Оборотень (пятясь). Полегче, отец, я больше не клянусь распятием. Чорт меня побери, если я еще христианин!

Брат Жан. Как! Бездельник, что ты сказал?

Оборотень. Да, пусть сожжет меня огонь святого Антония! Я больше не верю в то, во что верят сеньоры. Только святой деве еще я поклоняюсь²⁷.

Брат Жан. Хоть этим утешил. Мне теперь не-

Симон (глядя на дорогу). Рено, с ним еще человек.

Рено. Да, монах.

Мансель (тихо). Чорт возьми, неужели и его придется убить?

Рено. Нет! Это господь послал тому священника.

Симон. Чтобы его спасти.

Рено. Чтобы напутствовать его перед смертью. Богу не угодно, чтобы я сгубил его душу.

Симон. А если священник узнает нас?

Рено. Он не сможет узнать вас под крепом, которым вы покроетесь. (Симону.) Твой топор хорошо отточен?

Симон. Да.

Рено (Манселю). А твой?

Мансель. Да.

Рено. Бейте только в случае сопротивления. — Вы будете следить за тем, чтобы не убежал священник. — А я убью сенешаля.

Симон. Помогите нам, мать божья!

Рено. Станьте за этой кучей дров, чтобы им не бросился в глаза ваш черный креп. Как только я схвачусь за шпагу сенешаля, подбегайте ко мне. Они уже вышли на просеку. Вот они.

Входят сенешаль и аббат Онорэ. Рено точит топор, словно собирается рубить дрова.

Сенешаль (аббату). Вы говорите, что эти деревья ваши, но у нас есть грамота, доказывающая права барона.

Аббат. Вы ошибаетесь, сенешаль, и вы зря поспешили с порубкой. Они подарены аббатству Эсташем д'Апремоном, дедом Жильбера.

Рено, видя, что сенешаль поровнялся с ним, вырывает у него шпагу. Симон и Мансель подбегают с поднятыми топорами.

Рено. Смерть сенешалю!

Сенешаль. Ах, предатель!

Аббат. Помогите! на помощь!

Симон (изменив голос). Крикни только, — убью.

Аббат. Сжальтесь над нами!

Рено. Сенешаль, смерти пришла.. Ты был сегодня у обедни?

Сенешаль. Это ты, Рено! Не убивай безоружного. Возьми мой кошелек, оставь мне жизнь.

Рено. Мне кровь твоя нужна.

Сенешаль. Что я тебе сделал?

нужды божью тварь. Если мне случается долго преследовать дикого кабана, который молодецки защищался и разорвал у меня не одну собаку, то я всегда стараюсь вогнать мою рогатину прямо в сердце, чтобы свалить его одним ударом. Человек этот убил моего сенешаля, но я не хочу, чтобы его калечили перед смертью.

Рено. Покорнейше благодарю вас, сударь.

Д'Апремон. Посмотрим, так ли ты будешь хладнокровен, когда пойдешь на виселицу.

Входит стольник.

Стольник. Сударь, слуга мессира Филиппа де Батфоля привез прекрасного жирного оленя в подарок от своего господина. Дочь вашей милости, Изабелла, спрашивает, как прикажете вы его приготовить?

Д'Апремон. Спроси у этих господ.

Сивард. Он жирен?

Стольник. Жиру на полтора пальца.

Сивард. Приготовьте филе на вертеле. Я не знаю лучшего жаркого, если олень жирен.

Де Монтрейль. Вы правы, а в соус положить побольше пряностей.

Конрад. А мне пусть дадут оленью ножку на ручку для плети.

Д'Апремон. Ты этого не стойшь, ты еле держишься на лошади.

Конрад. Мне не для верховой езды, а чтобы собак хлестать.

Д'Апремон. Ну, давайте кончать; пусть уведут этого человека. Я приложу к приговору печать, когда писец его напишет.

Рено. Сударь, сделайте милость, не откажите мне в духовнике.

Д'Апремон. В духовнике? Зачем он тебе, про-

клятый злодей? Или ты надеешься примириться с небом?

Аббат. Дорогой кузен, на грех и милость. Этот человек еще сохранил некоторое почтение к духовным особам, нельзя отказать ему в священнике.

Д'Апремон. За час до того, как тебе придется иметь дело с мэтром Клодом, палачом, тебе пришлют священника из моего замка.

Рено. Я предпочел бы достопочтенного отца Жана, если вам будет угодно.

Д'Апремон. Я замечаю, что все бездельники в округе знают отца Жана и исповедуются у него.

Оборотень. Получай и ты! Проводи его к дьяволу.

Убивает наставника. Эшафот опрокидывают, Рено освобожден.

Симон (Рено). Наконец-то мы свиделись, паренек! Обними меня еще раз.

Мансель. Возьми арбалет и иди с нами. Надо драться.

Уходят втроем по направлению к замку.

Сивард (посреди вооруженных крестьян). Эй, господа! Я вовсе не родня Жильберу. Я его заклятый враг и, вдобавок, пленник, если только вы меня не освободите.

Крестьяне. Смерть ему! Это дворянин!

Другой крестьянин. Бей его! он грабитель!

Третий крестьянин. Спроси у отца Жана, что с ним делать. (Брату Жану.) Глубокочтимый отец, вот человек, который говорит, что он пленник Жильбера д'Апремона; убить его?

Брат Жан (Сиварду). Кто вы такой?

Сивард. Меня зовут Френсис Сивард. Я англичанин и был в плену у барона д'Апремона.

Брат Жан. Вы командуете отрядом латников и военным отрядом?

Сивард. Я...

Брат Жан. Знаю. (Крестьянам.) Не делайте ему зла. Пусть двое посторожат его, пока мы пойдем на приступ. За мной, дети мои!

Входят Бартельми, Пьер, Моран, Симон.

Бартельми (Морану). Трус! Дурак! Это ты виноват.

Моран. У тебя не хуже моего сверкали пятки.

Пьер. Если бы вы бросились вперед, как я вам говорил, этого не случилось бы.

Брат Жан. Что такое? Отчего вы вернулись?

Бартельми (указывая на Морана.) По его вине мы не взяли замка.

Оборотень. Э! все вы трусы, кроме Бартельми и Пьера. — Мы были уже на подъемном мосту, когда эти негодяи увидели, что толстый, как бык, Монтрейль мчится во весь опор с полдюжиной латников.

Брат Игнатий. Нет, оставайтесь, дети мои! Хорошо и это оружие, да и в нем, по милости божьей и святого угодника Лёфруа, не представится надобности.

Сильный стук в дверь.

Аббат (поднимаясь с испугом). О, мой боже! Святой Лёфруа, *adjuva nos!* *

Брат Игнатий. Кто там?

Голос (за сценой). Откройте, это я, Сульпиций.

Брат Игнатий. Отворяйте скорей! (Брату Сульпицию, который входит вне себя от страха.) Ну, что? что там такое?

Брат Сульпиций. Ах, друзья мои!..

Брат Игнатий. Говорите тише.

Брат Сульпиций (мужикам). Все идет отлично! Отлично, друзья мои! Сир д'Апремон разбил их.

Мужики. Слава святому Лёфруа и нашим благородным сеньорам!

Брат Сульпиций подходит к аббату, монахи окружают его. Мужики остаются в глубине.

Брат Сульпиций. Все погибло. Крестьяне взбунтовались. Мессир д'Апремон, говорят, убит. Вся Бовуази ополчилась против дворянства.

Брат Годеран. Значит, против нас у них нет дурных замыслов?

Брат Игнатий. Дай-то бог!

Брат Сульпиций. Но самое ужасное, чему и поверить трудно, — это то, что брат Жан, казначей нашего аббатства, стал во главе мятежников.

Брат Игнатий и брат Годеран. Брат Жан!

Аббат. Нечестивец, антихрист! О, боже! Предашь ли ты ему овец своих?

* Помоги нам.

Брат Сульпиций (брату Игнатию). Вот он каков! А вы ему еще покровительствовали, Игнатий! Что вы на это скажете?

Брат Игнатий. Я поражен.

Брат Годеран. И я тоже. Я не считал его способным на такое преступление.

Аббат. В таком случае, братья мои, нужно как можно скорей взять раку святого угодника Лёфруа, захватить сколько можно наличных денег и бежать без оглядки в Бовэ; не то этот филистимлянин придет и перережет нас всех.

Оборотень. Что же, ты предпочел бы рыцаря, закованного в железо, который оттого и храбр, что его негде и булавкой уколоть?

Броун. Ты знаешь, каких я мыслей об этих железных статуях. Но, право, у всякого свое ремесло. А вождь-чернец все же мне не нравится. Он у нас не любит, чтоб отлучались для грабежа. Он против всякого насилия, он за то, чтоб все шло, как на настоящей войне. А затем, от времени до времени, он произносит проповеди, а я до них не охотник.

Оборотень. Да пусть себе говорит, — все равно я делаю по-своему.

Броун. Куда он думает нас вести? Не хочет ли он вернуться к этой апремонской норе?

Оборотень. Думаю, что так; старый барон еще держится.

Броун. Лучше б итти прямо вперед да грабить. По крайней мере, побывали бы в новых местах.

Оборотень. Вот и отец Жан, мы от него все узнаем.

Брат Жан (входя). Франк, ты пойдешь осаждать Апремон. Тома прислал сказать, что Пьер шадит врага. Надо с этим покончить, нельзя оставлять несломленного врага в тылу нашей армии.

Оборотень. Негодяй Пьер! Я никогда ему не доверял.

Брат Жан. Мы же пойдём на Бовэ. Мне сказали, что там у нас есть друзья, которые только и ждут нашего прихода, чтобы прогнать гарнизон и открыть нам ворота.

Броун. На Бовэ! Чорт возьми! вы, отец, отлично придумали. Славный город, есть что пограбить!

Оборотень. А меня — клянусь чортовыми рогами! — там не будет.

Брат Жан. Будь покоен, ты получишь свою часть добычи. Но спеши осадить Апремон и дай

мне знать поскорей. Когда мы возьмем Бовэ, я пришлю тебе на подмогу, если понадобится, тысячу человек.

Оборотень. Вы скоро обо мне услышите, — Прощай, товарищ!

Пожимает руку Броуну и уходит.

Броун. Прощай! желаю удачи!

Уходят.

письмо со стрелой в четвертую бойницу квадратной башни.

Пьер. Да охранят их все святые на пути! Я напишу сейчас письмо. Пойдем со мной.

Уходят.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Дорога среди леса, недалеко от замка. Ночь.

Жильбер д'Апремон, которого несут на носилках, Изабелла, де Монтрейль, раненые латники, крестьянин-проводник.

Крестьянин. Мэтр Пьер не может еще к нам присоединиться. Он остался с Оборотнем и поведет его на приступ опустевшего замка. Темная ночь благоприятствует нам.

Де Монтрейль. Быстрее, быстрее, ради бога! Не будем ждать его. Хорошо, что мы сняли латы, нам до света предстоит сделать длинный конец.

Д'Апремон. Мой бедный замок!

Изабелла. Быстрее, быстрее!

Латник. Я слышу впереди конский топот и лязг оружия.

Крестьянин. Погодите, я посмотрю, что там такое.

Де Монтрейль. Ты не убежишь от нас, плут; если нас накроют, я всажу в тебя этот кинжал.

Д'Апремон. Тише, ради бога! Сойдем с дороги и углубимся в лес.

Де Монтрейль (тихо). Шум приближается. Я слышу смутные голоса.

Они сворачивают с дороги в лес.

Голос. Кто идет?

Д'Апремон (тихо). Тс!..

Голос. Эй!.. сюда! Вперед, разведчики! — Кто идет?

Д'Апремон (тихо крестьянину). Отвечай боевым кличем мужиков.

Крестьянин. Коммуны! Лёфруа!

Голос. Какая деревня?

Крестьянин. Женэ!

Другой голос. Эй! Тома! Тома из Женэ! отзывайся!

Крестьянин. Его тут нет. Кто вы?

Сивард. А я тебе говорю, что он бросился в лес, один из моих людей видел какого-то всадника, направлявшегося к лесу...

Брат Жан. Поезжайте каждый в свою сторону и перестаньте спорить. — А вы бегите к вашим отрядам. — Через час выступать.

Сивард и Оборотень уходят.

Моран. Какое несчастье, отец Жан!

Мансель. Говорят, их много.

Симон. Как они смогли переправиться через Марну?

Брат Жан. Ступайте за оружием, вместо того чтоб задавать глупые вопросы.

Уходит.

Симон. Никогда я не видел его таким растерянным.

Моран. Плохой знак!

Мансель. А все ж давайте вооружаться.

Моран. Отец Жан сдает, это заметно.

Симон. Э, точно один ты это замечаешь...

Мансель. Если королевское войско нападет на нас, мы разделаемся с ним, как с войском сенешаля.

Моран. Вот с востока потянулась стая воронов. Господи Иисусе, мать божья, да не послужим мы им пищей.

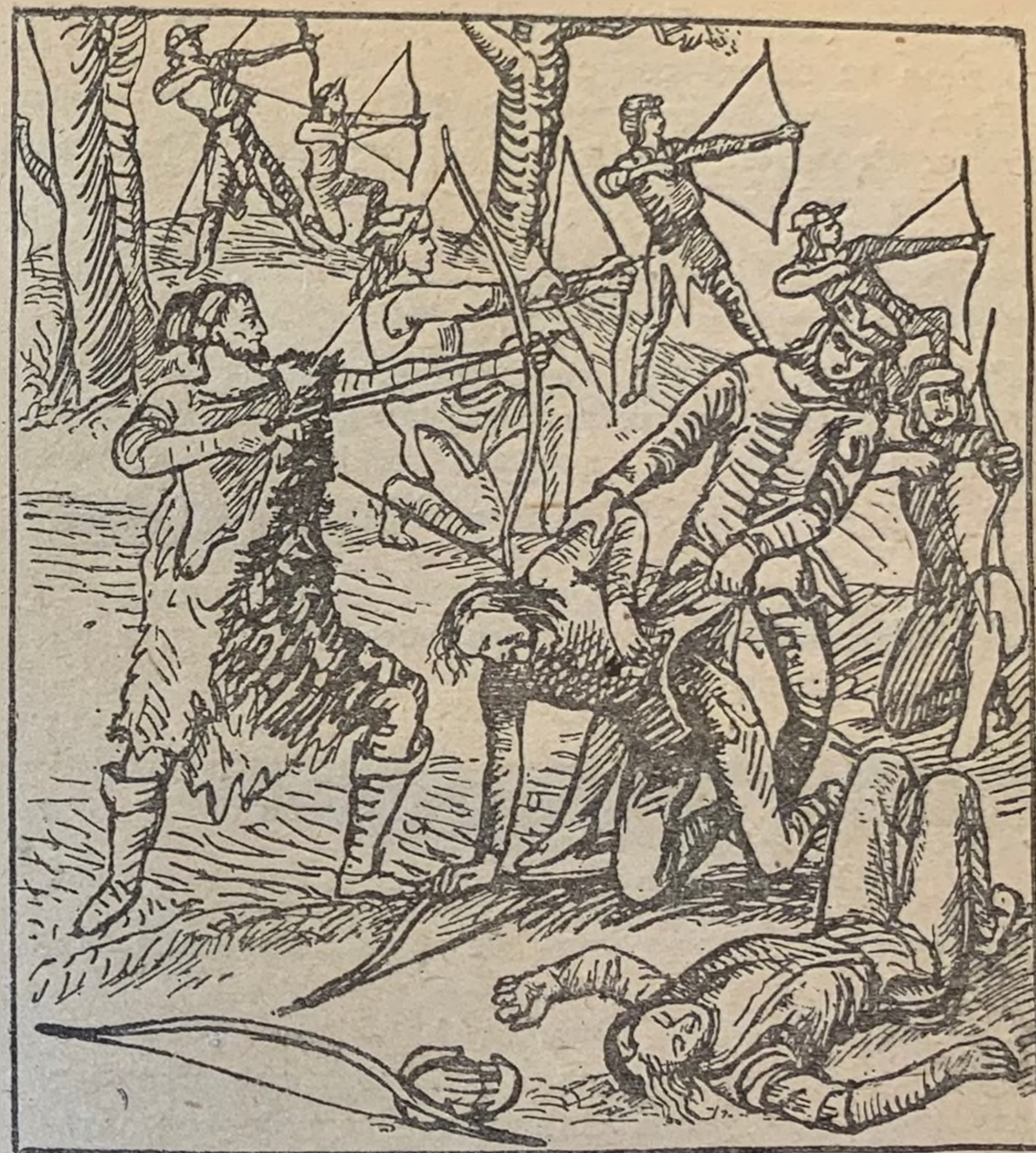
Симон. Вечно пророчит беду.

Уходит.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Равнина близ Мо.

Битва началась; то здесь, то там видны убитые и раненые. Оборотень и его люди в перестрелке с неприятельским авангардом.

Оборотень (делая зарубку на палице). Еще один! Сегодня, надеюсь, я dokonчу свою полусотню. Эй, вы, ступайте в эту вересковую заросль направо и отбросьте стрелков короля. Они будут сопротивляться не дольше, чем лани Бовуази.

Появляется брат Жан, верхом, в сопровождении нескольких начальников отрядов.

Брат Жан. Хорошее начало, храбрый Оборотень! Смелей сегодня, и война кончена.

Симон. Вы уж нам не начальник.

Бартельми. Вы предали нас.

Все. Предательство! Предательство!

Моран. Это он велел убить почтенного аббата д'Апремона.

Несколько крестьян. Это навлекло на нас беду.

Брат Жан. Трусливая сволочь! И вы смеете возвышать против меня голос? Или вы забыли, что без меня вы до сих пор были бы рабами? Забыли, что благодаря мне одному вы победили ваших господ и завладели их богатствами? Разве моя вина, что из-за вашей трусости нас постигло несчастье? Если бы я предоставил все вашим собственным силам, давно бы вы качались под перекладами. А если теперь...

Бартельми. Нечего слушать этого изменника!..

Гайон. Заставим его замолчать!

Моран. Смерть ему, отступнику!

Симон. Убьем его, как он убил барона д'Апремона.

Все. Смерть ему, смерть!

Моран. Выдадим его капитану де Бушу, барону де Белилю!

Брат Жан (со шпагой в руке). Ну, подойдите, трусы, подойдите; я не боюсь вас. Кто из вас осмелится поднять руку на своего предводителя?

Крестьяне. Покончим с ним! — Смерть ему. — Долой монаха!

Брат Жан ранен стрелой в спину. Он падает и тотчас поднимается на колени, прислонясь к дереву.

Брат Жан. Это похоже на вас... Презренные твари... вы наносите удар в спину.

Голос за сценой: «Королевские латники».

Брат Жан. Я буду отомщен!.. Бегите, предате-

ли... вам не спастись... от их длинных копий... Колесованье... виселицы ждут вас... Я отлучаю вас... и обрекаю на вечные мучения. (Умирает.)

Моран. Спасайся, кто может!

Смутные голоса. Мы окружены! Спасайся, кто может!

Несколько крестьян. Кто будет нашим предводителем?.. Симон, Симон!

Симон. Бежим, мы пропали!

Латники (за сценой). Капитан де Буш! капитан де Буш! Бей их, бей!

Все. Спасайся, кто может!

Общее смятение и бегство.

